

В.М. Рынков¹
Новосибирск

УРАЛ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ (1918–1920 гг.)²

В статье рассмотрены факторы эскалации Гражданской войны, связанные с особенностями хозяйственного уклада, с борьбой за контроль над уральским промышленным потенциалом со стороны разных политических сил, а также проанализированы производственные возможности уральской промышленности по снабжению противоборствующих армий.

Ключевые слова: Гражданская война, социальная структура, антибольшевистские правительства, Советская Россия, горная промышленность, сельское хозяйство, армия, продовольствие.

V.M. Rinkov
Novosibirsk

URAL IN CIVIL WAR: ECONOMIC FACTORS OF THE POLITICAL-MILITARY CONFRONTATION (1918-1920 YY.)

The article examines the factors of the escalation of the Civil War associated with the peculiarities of the economic structure, with the struggle for control over the Ural industrial potential on the part of various political forces, and also analyzes the production capabilities of the Ural industry in supplying the opposing armies.

Keywords: Civil war, social structure, anti-Bolshevik governments, Soviet Russia, mining, agriculture, army, food.

В период Гражданской войны Урал стал крупным плацдармом сложнейшего и длительного вооруженного противостояния. Именно здесь развернулись ожесточенные бои между сторонниками и противниками советской власти, начавшиеся весной 1918 г. с отдельных восстаний и очагов сопротивления, длившиеся несколько месяцев и завершившиеся только осенью 1918 г. В последующем Урал стал местом противостояния крупных подразделений вооруженных сил красных и белых. Его территория на протяжении почти года оказалась изрезана фронтами. Но и с установлением советской власти летом – осенью 1919 г. Урал оставался ближайшим тылом Красной армии и принял на себя всю тяжесть обеспечения военных действий.

Общероссийские факторы развертывания конфликта здесь осложнялись региональными особенностями социально-экономического

¹ *Рынков Вадим Маркович* – кандидат исторических наук, директор Института истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск. Россия. E-mail: director@history.nsc.ru; vadsvet@list.ru

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00580 «Социальная политика антибольшевистских правительств на востоке России: идеология, законодательство, практика (1918–1922 гг.)».

стройка, особой системой экономических связей Урала с сопредельными территориями. Специфические черты социально-экономического строя на Урале складывались задолго до революции, усилились в пореформенное время в связи с эволюцией горнозаводской системы, определявшей общеуральский облик экономики для Вятской, Пермской, Оренбургской и Уфимской губерний. В условиях революционного 1917 г. и последующих нескольких лет они во многом обусловили сложный абрис внутреннего социального противостояния.

Урал к началу Гражданской войны имел позади два века индустриального освоения и, обладая потенциалом для дальнейшего промышленного развития, сохранял и такую особенность фронта, как обширность слабо освоенных территорий. Тем не менее Урал далеко продвинулся на пути создания современного производства и давно являлся одной из зон модернизации. Далее на восток о модернизации можно говорить только условно, отмечая ее очаговые вкрапления в обширнейшую территорию Сибири и Дальнего Востока. Являясь крупнейшим восточным форпостом индустриализации, Урал вместе с тем оставался зоной фронтальной в том смысле, что не просто граничил, но тесно переплетался с соседними территориями – Степным краем, Сибирью, Европейским Севером, имевшими принципиально другие хозяйственный уклад, направление развития, тип заселения. Незавершенность районирования оставляла неопределенными границы региона, что оборачивалось социальной, экономической, культурной гетерогенностью, затрудняло складывание региональной идентичности.

Можно выделить несколько узлов социальной конфликтности, обернувшейся в ходе Гражданской войны возникновением сугубо региональных форм противостояния. Консервация окружной системы и в то же время довольно быстрый переход на рубеже XIX–XX вв. от заводовладения к акционированию привели к тому, что администрация и инженеры не только казенных, но и частных заводов олицетворялись для рабочих с владельцами. В условиях революции именно на них направлялась революционная агрессия. В то же время горнозаводская система сохраняла черты патриархальных отношений работников и администрации заводов, заботившейся о населении, являющейся не только монопольным работодателем, но и организатором быта всей округи. Таким образом, между контингентом рабочих и администрацией складывался сложный комплекс взаимоотношений, отдаленно напомиравший отношения крестьян и барина в помещичьей деревне, сочетавший в себе элементы антагонизма и солидарности. В условиях гражданского противостояния это породило разновектор-

ные отношения, в результате чего одни группы рабочих уходили в партизаны, из лесов вели борьбу за восстановление советской власти, другие эвакуировались вместе с отступавшими белыми, а основная масса готова была добросовестно работать при благоприятных условиях и возмущаться и требовать улучшения быта и прибавки жалования при неблагоприятных.

Осложнялась ситуация особым аграрным строем, когда крестьянское и ведущее сельское хозяйство горнозаводское население по-своему боролись друг с другом и с окружной администрацией за землю. В предшествующие годы имперское правительство обозначило свою позицию – желание передать горнозаводскому населению землю, достаточную для ведения полноценного сельского хозяйства, в то время как заводовладельцы и администраторы стремились оставить уголья как дополнительный способ получения доходов для предприятий. В предыдущее десятилетие развернулась борьба за обладание конкретными угольями между населением и заводскими администрациями, особенно там, где сложившееся землепользование мешало разработке новых добывающих производств. После 1917 г. захватные способы решения застарелых споров стали основой для нового витка эскалации социальной напряженности.

Аграрная ситуация в районе Большого Урала выглядела сложнее. На юге Урала крестьянское, инородческое и казачье население имело разные по размеру душевые наделы, отличалось поземельным устройством и укладом ведения хозяйства. Но и внутри сельских сословий существовала собственная дифференциация, связанная с неравномерным наделением землей разных селений. Главные линии разломов пролегали между групповыми и сословными интересами сельского населения. Давние противоречия между ними усилились в ходе революции и Гражданской войны и стали основанием для глубокого внутреннего противостояния. Оставались и особенности экономического разделения труда между потребляющим продовольствие Средним и Северным Уралом и производящим его в избытке югом. Хлеб с Южного Урала поступал в центр страны и за рубеж, а в годы Первой мировой Южный Урал стал районом усиленных казенных заготовок. Теперь пути продовольственного сбыта оказались перекрыты.

Ситуация усугублялась и осложнялась спадом производства, разрывом хозяйственных связей. Уральские заводы, находившиеся на подъеме в годы Первой мировой войны, во второй половине 1917–1919 г. стали сокращать или даже приостанавливать работу. Лишенные заработков рабочие и приработков крестьяне не имели другого

выхода, как вернуться к усиленному ведению хозяйства, для которого требовалось больше, чем раньше, земли.

Неустойчивость представлений о границах региона обернулась серьезными противоречиями в антибольшевистском лагере. Вопрос о границах Уральской области не был поставлен должным образом в первой половине 1918 г. Областным советом комиссаров Урала. Поэтому с падением советской власти в результате Чехословацкого мятежа Урал стал яблоком раздора. Здесь пересеклись интересы сразу трех правительств – Комитета членов Всероссийского учредительного собрания (Комуча), Войскового правительства Оренбургского казачьего войска и Временного Сибирского правительства. Каждое из упомянутых новообразований заявило претензии на часть уральской территории: Комуч – на Уфимскую и Оренбургскую губернию, Войсковое правительство – на Оренбургскую губернию, Временное Сибирское правительство – на Шадринский, Ирбитский уезды Пермской губернии, Верхотурский и Челябинский уезды Оренбургской губернии.

Созданное в том числе для противостояния территориальным претензиям соседей Временное областное правительство Урала осенью 1918 г. занялось разработкой вопроса о территории. Здесь геополитические соображения взяли верх над вопросами уральской идентичности. Поэтому вместо попытки объединить горнозаводские территории в одну административную единицу, для чего имелись определенные управленческие основания, уральские областники попытались развернуть экспансию на соседние регионы. Задача создать самодостаточную область, обеспечивающую себя продовольствием, контролирующую основные транспортные развязки и при этом имеющую на своей территории максимальное количество заводских комплексов с полным производственным циклом, на бумаге была решена. Но создание такой административной единицы в сложившихся условиях оказалось обречено на неудачу. Получилась странная конкуренция между несколькими участниками, обладавшими продовольственными и финансовыми ресурсами и стремившимися получить под свой контроль еще и уральские заводы или хотя бы их часть, и теми, кто обладал опытом управления и управленческими кадрами, но не имел ни продовольствия, ни средств, необходимых для поддержания уральского промышленного производства.

Причина в том, что основные политические игроки антибольшевистского лагеря базировались за пределами Урала и рассматривали горнозаводские территории как плацдарм для внутренней экспансии, для расширения экономических возможностей своих регионов. Меж-

ду тем во второй половине 1918 – первой половине 1919 г. именно здесь оказался сосредоточен по преимуществу производственный потенциал восточного лагеря контрреволюции, основная промышленная база Белой армии. И единый центр управления уральской промышленностью был жизненно необходим.

Приведем несколько статистических показателей для сравнения. В 1912 г. доля Урала в горном производстве составляла 8,1% от общероссийских показателей, Сибири – 11,5%, Поволжья – 0,4%. Скромнее были представлены предприятия обрабатывающей промышленности. На Урал приходилось 3,4% общероссийского производства, на Сибирь – 0,9%, на Поволжье 4,4%³. Необходимо учесть, что сибирские предприятия были разбросаны в труднодоступных местах, в силу чего в условиях Гражданской войны производство на них почти замерло. Что касается уральской промышленности, то здесь в годы Первой мировой войны полным ходом шла переориентация на военное производство. К 1916 г. 87% уральских металлургических предприятий перешли на выпуск военной продукции, и Урал стал третьей базой военного производства после московского и петроградского промышленных районов⁴. Из 276 тыс. рабочих фабрично-заводской промышленности Урала 240 тыс. считались работавшими на оборону. В Сибири и на Дальнем Востоке на оборону работали только 43,9 тыс. из 49 тыс. занятых в фабрично-заводском производстве, т. е. почти в шесть раз меньше⁵.

На рубеже 1918–1919 гг. большинство предприятий Урала работало и выпускало продукцию как для армии, так и для гражданских нужд. Возобновились поставки железа в Сибирь, выпуск железнодорожного оборудования и ремонт действовавшего подвижного состава. Ижевский и Воткинский заводы, Пермский пушечный и другие предприятия по производству вооружений при белых возобновили выпуск конечной продукции. Однако с февраля 1919 г. объемы производства постепенно падали, причем если конечная продукция в апреле и мае 1919 г. превышала объем производства прошлого года, то выпуск чугуна и стали сократился вдвое и более. Это связано с тем, что первоначально существовала возможность освоить неиспользованные запасы металлов прошлых месяцев⁶. Но промышленное сырье для металлообработки приближалось к исчерпанию, и дальнейшее падение производства становилось неизбежным.

³ Россия. 1913 год: статистико-документальный справочник. СПб., 1995.

⁴ *Запарий В.В.* Металлургия Урала в эпоху потрясений: Первая мировая и Гражданская войны // Историко-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 1. С. 76, 78.

⁵ Россия в Первой мировой войне (в цифрах). М., 1925. С. 70.

⁶ *Таняев А.* Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). Свердловск; М., 1930. С. 64–65.

Хуже обстояло дело с сельском хозяйством. Юг Урала стал зоной ожесточенных вооруженных столкновений. Фронт здесь в 1919 г. проходил несколько раз, охватив своим воздействием значительную территорию. Воюющие армии пользовались крестьянскими хозяйствами как источником удовлетворения продовольственных и гужевых потребностей. Точных подсчетов полученных от крестьян ресурсов не велось. Но никаких коммерческих продовольственных заготовок в период войны проводить оказалось невозможно. На горнозаводской Урал хлеб везли из Сибири, которая, пусть и далеко не удовлетворительно, тем не менее кормила горожан Среднего Урала и рабочих уральских заводов.

Таким образом, борьба за Урал в 1918–1919 гг. становилась борьбой за основную производственную базу востока России. И если для белых обладание регионом не стало решающим фактором будущих побед, так как Советская Россия располагала значительным арсеналом вооружений Первой мировой войны и заводами центрального и северо-западного промышленных районов, то потеря Урала летом 1919 г. оказалась для противников советской власти решающим фактором будущего поражения. Организованная эвакуация оборудования, рабочих и служащих позволила вывезти в Сибирь около 10% производственных мощностей и персонала работавших предприятий. Но воспользоваться этим в Сибири белые не сумели.

Трудно переоценить значение уральской промышленности после восстановления советской власти летом – осенью 1919 г. Уже в следующем году регион дал Советской России 70% выплавленного металла. В считанные месяцы удалось нарастить добычу угля на челябинских копях. Правда, следует отметить, что производство уральской металлургии составляло около десятой части от дореволюционного. Даже такого результата удалось достичь жесткими мобилизационными мероприятиями – к производству привлекли подразделения трудовой армии, подлежащих трудовой повинности рабочих и инженеров уральских заводов, а также доставили для работы специалистов из других регионов. Это позволило быстро возобновить добычу руды и выплавку металла, наладить выпуск конечной продукции. В 1920 г. половина новых винтовок в Советской России была с Ижевского завода.

Территория Южного Урала стала вместе с Сибирью источником вывоза продовольствия. Это происходило, несмотря на существенное сокращение валовых сборов в 1920/1921 г. Они составили 76% от урожая 1916/1917 г. в Пермской и Екатеринбургской губерниях, 46% в Уфимской, 77% в Челябинской и 28% в Оренбургской губерниях, при

увеличении доли посевов продовольственных и кормовых культур в ущерб товарным. Разверстки отнимали до 50% зерновых, конфискации скота – 24,4% лошадей. В 1920 г. 17 уральских уездов отработали 1611 тыс. поденщин гужевой повинности, из которых 879 тыс. конных⁷. Значительная часть сельскохозяйственных ресурсов, составлявших не только излишки, но и необходимые для поддержания жизнедеятельности хозяйств запасы, была изъята для поддержания большевистского режима.

Таким образом, экономический потенциал Урала стал одной из причин сложного и затяжного характера Гражданской войны в регионе. Хозяйственные ресурсы промышленности и сельского хозяйства стали и объектом, вокруг которого разворачивалась вооруженная и политическая борьба разных сил, и экономической базой для более ожесточенного продолжения этой борьбы. В свою очередь, уникальные черты социально-экономического строя Уральского региона во многом обусловили сложность и разновекторность общественного противостояния, включенность в него населения, принимавшего участие в Гражданской войне на стороне противостоявших друг другу сил, определили большое разнообразие методов борьбы, включавших как участие в войне в составе Красной и Белой армий, так и партизанскую войну против красных и белых, забастовки, восстания и широкий диапазон форм пассивного сопротивления. В конечном счете, независимо от исхода Гражданской войны проиграло в ней население Урала, а колоссальный ущерб, нанесенный войной региональной экономике, был восполнен только во второй половине 1920-х гг.

Библиография

1. *Запарий В.В.* Металлургия Урала в эпоху потрясений: Первая мировая и Гражданская войны // История-экономические исследования. 2015. Т. 16. № 1. С. 67–108.
2. *Таняев А.* Колчаковщина на Урале (1918–1919 гг.). Свердловск, М.: Госиздат, Уральское отд-ние, 1930. 72 с.
3. *Телицын В.Л.* Сквозь тернии «Военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг. М.[Б.и.], 1998. 216 с.

⁷ *Телицын В.Л.* Сквозь тернии «Военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917 – 1921 гг. М., 1998. С. 91, 108.